

Макс НЕВОЛОШИН

Макс Неволошин родился в Самаре. Работал учителем средней школы; после защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в России, Новой Зеландии и Австралии. Публиковался в «Новом журнале», «Топосе», «Дружбе народов» и др. Автор двух сборников рассказов: «Шла шаши по соше» (2015) и «Срез» (2018). С 2003 года живёт и работает в Сиднее. В «Волге» печатались рассказы (2016, 2020).

ГДЕ СИДИТ ФАЗАН

Рассказ

Допустим, я остался в Мюнхене. Стал бы теперь бургером в кожаных штанах, пил бы Löwenbräu. Хотя я и так его пью, не в этом дело. Просто интересный был момент: развилка, точка ухода в альтернативную жизнь. Без диссертации, степени, Новой Зеландии и Австралии. С альпийскими озёрами, Швейцарией и Веной. В пугающе уютном, домашнем городе. В неизменной компании женщины, с которой не надо быть сильным, храбрым, успешным, вообще никем другим.

Сначала нелегально, а какие варианты? Я там за год понял кое-что. Тридцать лет совка – хорошая закалка: где угодно выживешь, тем более в Европе. Тем более ко мне жена приехала. Она ещё не была женой, но шло к тому. Соблазн остаться грыз меня насквозь. Лежу в постели с девушкой мечты и насилую извилины: что делать? Какой план? Через день она уедет, потом вытаскивать сложнее. Немецкий я освоил, где чёрная биржа труда знал. Шварцарбайт, мойки-стройки, уборка конюшен – два человека. Жесть, но мы бы справились. Не это меня остановило.

Моё невозвращение стало бы проблемой. Во-первых, для приятеля, который запахнул меня сюда. Приятельство наше было компромиссным, вымученным. Напоминало пьесу в театре К. Барабаса. Но время актёрского бунта ещё не пришло. Во-вторых, я сломал бы планы тех, кто готовился ехать следом. Фонд Sonnenstrahl, оплативший учёбу, кисло бы воспринял инцидент. Немецкие коллеги тоже. Я не фанат кидать людей, Платон мне друг, но майка ближе к телу. Судьба один-то шанс даёт нечасто и не всем.

Диссертация – вот главная причина. Незащищённая, а лучше – беззащитная. Продукт «любви горячей, самоотвержения, трудов, усердия» и т.д. Аспирантура, три года зависания на острие, на высшей точке чёртова колеса. Сотни незаметных часов в Ленинке. Мягкая упругость клавиш, щёлканье литер по бумаге. Шрифт как спасение от хаоса. Толкотня умов, холодный блеск интриг. Экзистенциальная свобода, догадки, изумления, осознание всё более глубокое, что ты по-прежнему не знаешь ничего.

Если бы я защитился в мае... Обрёл бы законные полчаса славы, ваковские корочки. И осенью – grüß Gott, München. Может, видел бы сейчас другие горы за окном. Моими рецензентами были два профессора, старых, заслуженных хрена. Оппонентом – миловидная дама без глупостей, завлаб психологического института РАО. Научный руководитель объяснила мне, что расклад сил на кафедре мутный, однако эта тройца – гарантия успеха. Главное – молчать, кивать, благодарить.

С оппонентом мы встречались дважды в институтском коридоре. Всякий раз дама куда-то спешила. «Диссертация в порядке, – был её вердикт, – есть пара скользких мест, я

их там отметила. Именно о них спрошу вас на защите. Важно, чтобы это сделала я, а не кто-то другой. Конкретику согласуем по телефону».

Рецензенты отнеслись к делу серьезнее. Оба пригласили меня домой. Квартиры их были с похожим музейным духом. Лепнина, абажуры, тиснёные обои. Кабинеты, заросшие диванами, бумагами, шкапами. Что-то в рамочках курсивом под стеклом. Остро не хватало чая в подстаканниках. Чтобы дымок, мельхиоровый звон и горничная в фартуке с подносом.

Я быстро догадался, что первый рецензент диссертацию не читал. Он ещё быстрее понял, что меня это устраивает. Хитрый, подвижный старикан, лицо в красивых розовых мешочках. Санта-Клаус без фальшивой бороды. Дальнейшая беседа отличалась светскостью. То есть готовностью забыть собеседника раньше, чем он удалится.

К наезду рецензента номер два я оказался не готов. Настолько, что захотел выйти и сверить адрес. И обрадоваться, что попал не туда. Он раскатал меня, как прапор салабона – весомо, грубо, но без мата. Virtuозно прошёлся по грани, ни разу не соскользнув, а было куда. Спец по военной психологии, генерал-майор в отставке. Возможно, в прошлом его где-нибудь контузило.

«Вы издеваетесь? – он потряс моей рукописью. – Какая... ынт... досрочная защита?! Да я этот текст... мм-бт... к совету близко не пущу! Диссертация сырая, как недельная портянка! Кха-к-кхэм... Дилетантизм и выпендрёж! Ну и соискатели пошли... О бабьих хвостах больше думают, чем о работе. Ничего. Не из таких буратин выстругивали. Работать! – он хлопнул диссертацией о стол. – Пахать! Ещё как минимум до осени. Записывай, во-первых...»

Диктовал он быстро, я конспектировал почти автоматически. Отдельные фразы потом удалось разобрать:

- ...введение жидкое – добавить мяса...
- ...иностранные термины заменить отечественными...
- ...невнятно – отделить мух от плевел...
- ...логика хромает – кто на чём стоял...
- ...всю главу переписать в русле Ломова...
- ...слишком много Фрейда – заменить Ананьевым Б. Г.

Меня охватил ужас. Я бросился к научному руководителю.

– Ольга Павловна! Это что-то странное... Фёдор Кузьмич, он вообще... как бы... здоров?

– Вопрос неправильный, – усмехнулась начальница, – вторая попытка. Кстати, он уже звонил.

– Что мне делать-то?

– Вот. Не соваться к нему до осени. Учесть все замечания, сделать косметические правки.

– А если снова завернёт?

– Не завернёт. У него метод такой: сначала шумит, потом хвалит. Ты же понимаешь, деду надо удержать самооценку. Показать, что он ещё не реквизи́т.

– Да, но откладывать защиту, переделывать готовую работу?

Начальница поморщилась.

– Объясняю. Фёдор Кузьмич – тёмная лошадка, бомба с секретом. На защите его может понести. Поэтому важно, чтобы он был с нами. Тогда ситуации обратная. Его положительный отзыв – бетонная страховка от сюрпризов. Если кто и вякнет не по делу, – он порвёт.

Расстроился я не особенно сильно: грамм на двести и поговорить. Вадим, по счастью, оказался дома. Помню, тема Мюнхена возникла именно тогда. Однако не раньше, чем я поделился событиями дня. Не раньше. Но до второй бутылки точно. Мой сосед по комнате – друг, враг, педант, невротик – уважал точный расчёт.

– Хочешь поехать в Мюнхен на год? – сказал он как бы вскользь. – С октября по июнь. Интернаттура в местном университете. Всё, кроме билетов, оплачено: жильё, стипендия. Решать надо быстро.

– Я предпочёл бы Итон. Или Стэнфорд.

Он покачал головой.

– Без шуток. Своё место отдаю. Цени, сынок.

– Тогда не понял. Что за интернаттура? Что за место? Рассказывай.

– Всё просто. Или сложно, – начал он, – шеф осенью уходит с кафедры, сам знаешь. А без него мне защититься не дадут. Ты сразу две не мог взять? Идём, по пути расскажу.

Несколько лет мы ошибочно считались друзьями. Этот альянс удивлял многих, включая нас самих. Шло время окончательной фильтрации людей. Случайные, чужие не оказывались рядом. Всему существовал мотив. Я был адаптером Вадима для контактов с миром нормы. С бесхитростными чувствами, логичными поступками. С лиризмом забегаловок, нетрезвым женским смехом, интимом общежитских дискотек. Я был одежкой, по которой нас встречали. Взамен мне удавалось заглянуть в его реальность. Примерить обсессивно-компульсивное расстройство. Впустить сквозняк абсурда в предсказуемый сюжет.

Скучных индивидов в поисках гармонии тянет к маргиналам. Путь тупиковый, что выясняешь годам к тридцати. Гармонии нет, есть только приключения на свою задницу. В юности среди моих друзей преобладали фрики. Один мог на спор закусить фужером. Этот фокус часто помогал нам расплатиться в кабаках. Фокусник окончил школу с пятью двойками. Впоследствии стал мини-олигархом. Другой приятель на собрании филфака пытался сжечь билет ВЛКСМ. Отчислили немедленно. Сейчас он – знаменитый журналист. Ещё один, скрываясь от долгов, фиктивно утопился. Записку нашли быстро, тело – месяцы спустя. Лет через семь некто похожий был замечен в дауншифтерской тусовке на Гоа. Чтобы подняться над собой, – размышлял я, – необходимо быть отчасти сумасшедшим. Подцепить эту заразу в лёгкой форме и развить иммунитет.

Меня не беспокоили компульсии Вадима. Балетные движения у окна. Выбрасывание в форточку невидимого сора. Книксен на пороге общежития. При этом всякий раз сосед чего-то бормотал. Сперва мне показалось: «дай нам, Господи, святой час», затем: «чур меня, чур, нечистая сила». Наконец, прислушавшись, я уловил: «каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Словом, учебное пособие, которое всегда рядом. Спит, ест, ходит в общий туалет. Порой совокупляется, когда тебя нет дома.

Без шуток, я сочувствовал Вадиму. Не только из природной мягкотелости. Я знал, что в голове его живёт шуршащий страх. Боязнь нелепых ситуаций, потери контроля, ошибок, идиотов, вообще людей. А как иначе? Люди – главная проблема. Дай возможность – накосячат, кинут, солгут. Но и страх одиночества тоже. Потому что одному за всем не уследить. Потому что на войне кто-то должен прикрыть твою спину.

В последний год аспирантуры Вадик много стрессовал. Ритуалы его сделались затейливей и чаще. Выражение фоторобота подолгу зависало на лице. Пару раз в неделю он ходил на тренинги. Психодрама, транзактный анализ, НЛП... Помогали они слабо. После них хотелось выпить. Вадим с энтузиазмом обратился к алкоголю. Выпивка творила чудеса. Сосед мягчел, тянулся к обществу, имел успех у дам. Очки его

взволнованно блестяли. Чудаковатость выглядела стильной, язвительность – загадочной. Скептицизм принимался за мудрость и жизненный опыт.

Удивительно – хотел о Мюнхене, а получается о Вадике Дроздове. Как он пролез в этот рассказ? Сочинительство напоминает мне прогулку с любознательным ребёнком. Расслабишься, отпустишь – бежит невесть куда. Задумаешь, допустим, новеллу о грибах – выходит повесть о собаках. А проницательный читатель видит комплекс неудачника. Или, не дай Бог, тоску по хохломе. Что же, прицепить дитя на шлейку? Или проследить, куда оно спешит? В какой чулан успело сунуть нос?

Дроздова в моей жизни было лишнего. В метафизическом пространстве – тоже. Кстати, вычистить последнее значительно трудней. Однако в этой тёмной комнате роль бывшего соседа видится иначе. Тут у него звёздная роль. Миссия. Без него я не попал бы в Мюнхен. Город, который отредактировал меня, нет, переписал заново. В новой версии я знал, что счастье – производная времени и места. Но больше все-таки места. Что хорошо там, где мы есть, надо только это место отыскать. Что город можно полюбить, как существо. Мало того, он способен ответить тебе взаимностью.

«За верный угол ровного тепла я жизнью заплатил бы своевольно...» Эта строчка некогда казалось мне абсурдной. Какой резон платить за угол, если там не жить? А просто – убедиться, что он существует. Увидеть свою выемку в стотысячном пазле земли. Искать, ошибаться, не разминуться – возможно ли? Впрочем, есть надежда, что поиск идёт с обеих сторон. Места тихонько, исподволь отбирают себе людей, подают им знаки. Мюнхен получился репетицией отъезда насовсем. А хотел бы стать премьерой. Сходя по трапу, я почувствовал тепло. Необычное для октября, ровное. Затем бегущая дорожка, текущие огни. Зал, наполненный сдержанным эхом... Таможенник равнодушно соскользнул на английский.

– Цель приезда?

– Учеба, – ответил я. И улыбнулся внутри.

Marlboro, Camus, Panasonic... Lufthansa, Adidas... Задумчивые манекены, деликатный свет из ниш, гламурная отрава дьюти-фри... Совершил посадку рейс компании Дельта из Майами... Ароматы кофе, горячего пирога с ягодами, чего-то новогоднего, трогательного, еле уловимого (ваниль? корица?). Джазовая тема бара. Знакомая по фильмам речь. Звучала она тихо и совсем по-человечески. Европейцы, как водится, демонстрировали стильный пофигизм, решительно отказывались быть толпой. Даже торопились они элегантно. Цветные, обтекаемые чемоданы двигались за ними будто сами. Я замедлил шаг. Город пытался мне что-то сказать. «Entschuldigung», – прозвучало за спиной, и люди обогнули меня, будто остров.

Над головами встречающих мелькнула знакомая фамилия. Мой взгляд поймала девушка в оливковом плаще. Тревожная улыбка, прохладная ладонь. Криста, аспирантка, из особых примет – веснушки и новый фольксваген. Хорошенькая немка – такой же оксюморон, как плохой автобан. И пусть, нам отвлекаться ни к чему. Тем более, что на спидометре – двести. Ландшафт воспринимался приблизительно. Моего немецкого хватило на короткий диалог.

– Как долетели?

– Пациент скорее жив...

– Сейчас поедem в кампус. Поселю вас, отдохнёте. Завтра можно посмотреть Октоберфест. В понедельник ждём в лаборатории. Это рядом, вам любой покажет.

– Спасибо, Криста. Вы чудесная.

– Никаких проблем.

За окнами темнело примерно с нашей скоростью. Уплотнились здания, вспыхнули огни. По салону двинулись тени. Уютно замерцала приборная доска. На светофоре Криста включила радио. Группа Eagles угадала моё состояние: «Take it easy, take it easy. Don't let the sound of your own wheels drive you crazy...» Бесцеремонно вклинилась заставка новостей. Я узнал слова «Москва» и «танки». Фамилию «Хасбулатов» диктор исказил.

Утро. Теоретически я понимал, где нахожусь. Комната выглядела чистой, светлой и пустой, как новая жизнь. Минимум предметов в стиле ИКЕА, умывальник, зеркало. Остальные удобства – извне, но главное – свободны. Я привёл лицо и тело в относительный порядок. Тишина на этаже удивляла сама себя. Будто дом, привычный к шуму, кто-то разом обеззвучил. Затем удалили людей. Тут, словно по ошибке, вдали проснулись кухонные звуки, голоса. Их тотчас приглушили. Заодно мой аппетит сместили влево от нуля. Не хотелось даже кофе. Я поспешил на улицу.

Так не бывает, – вот первая мысль. Я этого не вижу. Пространство, населённое людьми, не может быть настолько безупречным. В реальном городе всегда найдётся трэш. Какая-нибудь лишняя труба, архитектурное безвкусице, шум стройки, теснота, ненужный запах... Мюнхен этот факт опровергал, как идеальное эстетическое высказывание. Метафора навывлет, афоризм по шляпку. Сказка, отшлифованная временем, гравюры фон Каульбаха или Доре. Возникло смутное, знакомое по книгам чувство: я вспоминаю город, в котором не был, а он – меня. Очная ставка зазеркалья с бытием. И наконец глубокий вдох: я дома.

Это чувство испугало меня дважды. Второй раз – в Сингапуре через много лет. Ощущение шпиона, «спящего» агента, который долго выживал бог знает где. Потом о нем забыли, он смирился, оброс историей, привычками, друзьями. Чужбина стала родиной, легенда – биографией. Другая жизнь – абстрактной, как линейный интеграл. Пустота в душе неплохо заполнялась алкоголем. Но где-то в пыльном шкафчике сознания хранился город-ключ. Невыразимый эпитетами и глаголами, сверхфокусный, кукольный мир, лавка игрушек за час до открытия... Шли годы, и однажды кто-то вычислил таинственную дверцу. И выступы бородки надавили на засов.

Синхронно этот кто-то изменил настройки дня. Добавил чёткости и яркости, перенасытил воздух кислородом, убрал шумы и гравитацию. Я двигался, не замечая собственного шага, вернее, город медленно скользил навстречу. Открывались новые улицы и здания – светлые, бежевые, кремовые, всех тонов песка. Блики окон в тёмных рамах напоминали о картинной галерее. Карминовая черепица – о спинах древних рыб, фахверк – о гигантской азбуке. Мансардные балкончики для эльфов и цветов выглядывали из крыш.

Эклектика отсутствовала напрочь, хотя дома имели лица. Одни сверкали витринами, радовали глаз знакомой лексикой: Müller, Apotheke, Deutsche Bank. Другие затаились в палисадниках среди остроугольных елей и тлеющих красок осени. Дома были разными, но совпадали, как шестерёнки в часах. Будто город создавался целиком каким-то гением дизайна. И – лёгкая, сквозная тишина, в которой можно потерять или найти всё что угодно. Скоро я узнал, что воскресенье здесь немое до полудня. Верующие – в кирхах, остальные спят. Но тогда это казалось спецэффектом. Совпадением героя, зрителя и автора.

В тот день я полюбил ходить пешком и одиночество. До того прогулок избегал, а одиночество старалось избегать меня. С годами любовь опасно усилилась. Порой я чувствую соблазн уйти и раствориться в пейзаже. Как Лев Толстой или Гоген, песочком, босиком. Чтобы потом спросили (если спросят): а где он, этот... как его? Ушёл куда-то. Ну и бог с ним.

К полудню впереди открылся парк, блеснуло озеро. На берегу паслись упитанные гуси. Готическая вывеска «Biergarten» украшала перекладину ворот. Десяток посетителей углубились в тайны своих кружек. Я это понял как знак. Единственная денежка, пятьдесят марок, купленная в обменнике на Тверской, беспокойно шевельнулась рядом с сердцем. Не увлечься бы. Далее – неясная стипендия, финансовый туман. Да гори оно! Знак есть знак. И я уселся за ближайший столик.

О подобном заведении упоминалось где-то у Войновича. Там были вывеска и парк. И озеро с гусями. Я вспомнил, что писатель живет в Мюнхене. Даже огляделся повнимательней, а вдруг...

– Grüß Gott, – сказали над плечом.

Войнович стоял рядом. В тужурке с логотипом, в сине-белом фартуке. То есть, это был официант, но здорово похож. Коренаст, богатая седая шевелюра, диссидентский прищур. Я не удивился.

– Недавно в городе? – уверенно спросил он.

– Первый день.

– Нравится?

– О-оо... – я качнул головой.

– Пива? – ещё твёрже сказал он.

– Безусловно.

Он распахнул меню. Читать не имело смысла. Цены смотрелись почти вменяемо.

– Хм... – помедлил я, – а какое пиво самое лучшее?

Войнович поднял бровь.

– Löwenbräu, конечно. Ты в Баварии, дружок.

Я совершил долгий заныр в кружку. Уф... Повторил. Затянулся первой в этот день сигаретой... И поймал ощущение небытия. Паузы. И понял, что никуда отсюда не уеду.

Тот же город шесть месяцев спустя. Ночь, слегка разбавленная утром. Девушка мечты пошевелилась рядом тёпленько. Пробормотала нечто вроде: «Ты не спишь? Я тоже попытаюсь...» И поуютней завернулась в одеяло. Сейчас она проснётся, я скажу: «Останемся?» И она вдруг согласится, что тогда? Закончатся каникулы, появятся студенты. Левого человека в общежитии вычислят на раз. Значит – снимаем жильё. Значит – деньги. Стипендии не хватит, интернатура – побоку. Немедленный поиск работы, не когда-нибудь – сегодня. Заждались нас там, ага.

Страшно рисковать. Страшно оставлять любое барахло – в шкафу ли, в голове. Стать никем. Пройти сквозь нищету, забить на диссертацию и степень. Но – с любимой женщиной и городом – вместе, сразу – мало?! Стать нотой, жестом, частью этого манерного, замедленного праздника. Или заткнуть уши, отвернуться... вернуться. За верный угол ровного тепла... Ну, так плати, засранец.

А если она скажет «нет»? У меня тоже диссертация. И мама нездорова, и вообще. Нельзя так – в омут головой. Без визы, нелегально, как мыши в подполье. Без нормальной работы, медстраховки... пять лет, десять, сколько? Нет, защитимся и уедем по-людски. Это будет правильно. Только мир непредсказуем, а жизнь полосата. Ну как через год закроют дверцу? Запретят сюда, не выпустят оттуда. А сейчас мы уже здесь, вместе – уникальный шанс. Возвращение эстетически ущербно, неприемлемо. Это как лечь в

несвежую постель. Вернуться и до конца дней терзать себя: ведь было же, было. Вот оно, в руках...

Утро поменяло розоватый цвет на бледно-фиолетовый. Погасла утомлённая реклама гастронома «Tengelmann». Автобус пересёк квадрат окна. Холодно... Я вдруг осознал, что давно нахожусь не в постели. А бессмысленно разглядываю улицу, собирая с подоконника невидимые крошки. Я догадался, что сейчас произойдёт. Остановись, безумец! – прошептал рассудок. Но что-то в тёмной глубине сознания, неодолимое и подлое, одержало верх. Движением танцора оно выбросило «мусор» в форточку. Виновато оглянулось и произнесло: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан».